

ПЕСНЬ СТЕПНЫХ ВЕТРОВ

СКАЗАНИЕ О НАРОДЕ,
ХРАНЯЩЕМ ДРЕВНЮЮ МАГИЮ

ИИ

Родион Огневеров

Родион Огневеров

**Песнь степных ветров: Сказание о
народе, хранящем древнюю магию**

«Автор»

2026

Огневеров Р.

Песнь степных ветров: Сказание о народе, хранящем древнюю магию / Р. Огневеров — «Автор», 2026

Как сохранить память народа, не превратив её в набор красивых легенд и запретов? И как идти в будущее, не отрекаясь от прошлого — но и не позволяя ему решать за живых? «Песнь степных ветров» исследует, как наследие становится опорой, а не оковами. Образы степи, древних знаков и магии раскрывают вполне земные вопросы: как отличать живую традицию от слепого повторения, сверять предания с языком, землёй и свидетельствами, признавать противоречия и пробелы, оценивать цену решений. Книга предлагает принципы бережного отношения к памяти: слушать разные голоса, делиться знанием, готовиться к трудностям сообща и не решать за других, какую цену им платить. Она адресована тем, кто интересуется культурным наследием, устройством сообществ и передачей ценностей между поколениями. Читатель увидит, как соединить уважение к прошлому с правом на перемены и общей ответственностью за будущее. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Огневеров Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Степь, которая помнит	6
Очаг и закон дороги	10
Первый напев ветра	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Родион Огневеров
Песнь степных ветров: Сказание о
народе, хранящем древнюю магию

Песнь степных ветров: Сказание о народе, хранящем древнюю магию
Родион Огневеров

Степь, которая помнит

На рассвете степь произнесла забытые голоса.

Сначала — едва слышно, будто кто-то провёл сухой ладонью по краю глиняной чаши. Потом звук повторился: длинный, низкий, похожий на напев, который Айна не слышала много лет. Она остановила коня. На востоке только занималась бледная полоса света, а вокруг не было ни шатров, ни людей — лишь трава до самого горизонта да старый курган, похожий на спину спящего зверя.

Ветер прошёл по равнине. Трава пригнулась, но не вслед за ним: сначала легла кругом, потом выпрямилась короткими рядами. Меж стеблей проступил узор — словно раскрытая ладонь с тремя длинными пальцами. Айна не знала такого знака ни по песням матери, ни по узорам на ремнях и седельных сумках. Никто из живых не рассказывал, что видел его. Во всяком случае, никто не рассказывал ей.

А потом ветер назвал её по имени.

— Айна.

Она резко обернулась. За спиной тянулась пустая степь. Голос донёсся со стороны кургана, и в нём Айна узнала лёгкую хрипотцу, а в конце имени — короткий выдох, будто говорившая улыбнулась.

Так произносила её бабушка Тэйра.

Тэйры не было в живых уже семь лет.

Айна сжала поводья. Тепло коня под ладонью было настоящим. Настоящей была и холодная пыль на губах, и щемящая боль в ногах после долгой дороги. Она напонила себе: на рассвете холодный воздух у земли меняется с тёплым воздухом выше, и звук может пройти дальше, чем днём. На равнине порой трудно определить, откуда он пришёл. Это было разумное объяснение. Только голос бабушки не просто напоминал ей знакомую песню. Он знал её имя.

— Айна! — крикнули теперь уже по-человечески, из-за пологого пригорка.

На следующем вдохе ветер рассыпал узор. Трава зашевелилась, и степь снова стала просто степью.

Кочевье арвенгов стояло у неглубокого ручья, который к середине лета пересыхал. Айна не видела его четыре года. За это время сменились люди, дети вытянулись, старые шатры заплатали новыми полотнищами, но расположение стоянки она узнала издали: жилища образовывали широкий незамкнутый круг, оставляя проход к воде и место для стада. Внутри круга уже собирали вещи. День перехода начался раньше обычного.

У одного шатра двое мужчин снимали верхнее полотнище, складывая его по швам, чтобы на новом месте ветер не расправил старые прорехи. У ручья девочка вела коз к воде, переключаясь с младшим братом, который считал животных, загибая пальцы. Старуха, сидевшая у почти погасшего очага, перебирала сухие корни для дорожной связки. Никто не оставался без дела, но никто не торопил другого: спешка тоже могла порвать полотно, потерять узду или оставить телёнка без матери.

Первой Айна встретила мать. Эйрен, хранительница песенных преданий, крепко обняла её, задержала ладонь у дочери на затылке и только потом отстранилась.

— Ты стала выше, — сказала она.

— Ты не изменилась.

— Это ты не умеешь смотреть.

Улыбка у матери дрогнула и исчезла. Она не стала спрашивать, почему Айна вернулась в день перехода, а не накануне. Вместо этого подала ей чашу тёплой воды с горьковатым запахом степной мяты.

У аренов гостя — даже того, кто родился в их круге и надолго ушёл, — сначала поили и давали ему сесть. Вопросы задавали, когда он переставал держаться за поводья. Так не позволяли голоду и усталости отвечать вместо человека. Айна выпила воду и лишь тогда рассказала о голосе.

Мать выслушала молча. Ветер шевелил седые нити в её косе.

— Ветер повернулся ночью, — наконец сказала она. — Перед переходом такое бывает. А на рассвете он может играть в низинах. Ты долго была в дороге.

— Я не спутала голос с шумом.

— Ты слышала её много лет. Память умеет подражать точнее, чем мы думаем.

Это было сказано без насмешки. Айна знала, что мать верит в силу песен, но ещё сильнее верит в точность слов. Песню нельзя было менять только потому, что новый напев казался красивее. Если забыто имя, его не следовало вставлять наугад.

У общего очага старейшина Вейр уже объяснял другим, почему ветер сменил направление. Он говорил о сезонных потоках, о холмах на востоке, между которыми воздух мог закручиваться и возвращаться боковым порывом. Кто-то предположил, что звуки донесло от дальнего стада. Все объяснения были возможны, и ни одно не требовало мёртвых, говорящих из степи.

Айна рассказала о траве у кургана.

— Там она легла против ветра, — сказала она. — Не на всём склоне. Только полосой, от вершины вниз.

— Вокруг каменного холма ветер всегда ведёт себя неровно, — ответил Вейр. — Земля меняет его ход. А птицы?

Тут она замешкалась. Она заметила птиц только после узора: тёмную цепочку над восточным краем степи. Они летели к внутренним озёрам, туда, откуда в это время обычно уходили. Айна видела их слишком недолго, чтобы быть уверенной, что не ошиблась.

— Летели не туда, куда должны, — сказала она.

— Птицы не спрашивают у нас, куда им лететь, — отозвался кто-то у котлов.

Вейр не запретил ей говорить. Он лишь попросил не объявлять тревогу, пока никто не знает, что именно случилось. Айна услышала в этом не трусость, а ответственность: если люди начнут сворачивать стоянку из-за каждого странного порыва, они растратят запасы, загонят животных и в следующий раз не поверят настоящему предупреждению.

И всё же она заметила, что никто не посмотрел в сторону кургана.

Тогда Айна вспомнила упражнение, которому учила её бабушка. Когда страх торопит с выводом, нужно остановиться и разделить три вещи: что ты видишь, что слышишь и что можешь проверить вместе с другим человеком. Не называть тревогу доказательством, но и не отмахиваться от неё только потому, что она неудобна.

Она назвала про себя: трава образовала узор; ветер произнёс её имя голосом Тэйры; птицы летели в необычном направлении. Проверить можно было направление ветра, следы на склоне и рассказ тех, кто видел птиц. Айна не стала спорить со старейшинами. Она попросила у матери короткую мерную верёвку и пошла к кургану.

Для любого, кто хочет не потеряться в тревоге, это простое упражнение тоже может быть полезно: сначала перечислить наблюдаемые факты, затем отдельно — свои предположения, а после найти хотя бы одну вещь, которую можно проверить. Не нужно выбирать между слепой верой и слепым недоверием. Иногда самый честный ответ начинается со слов: «Я пока не знаю».

Мать пошла следом, хотя Айна не просила.

До кургана было недалеко. По дороге они миновали привязанных у воды лошадей и стадо овец. Животные беспокоились: поднимали головы, прислушивались, сбивались плотнее. Птицы всё ещё летели на восток. Их маршрут мог измениться из-за погоды: перелётные виды

ориентируются не по одному признаку, а используют сочетание небесных ориентиров, ландшафта и магнитного поля Земли. Ветер и облачность способны сбить привычный порядок. Но сейчас небо было ясным, а порыв у лица Айны шёл с запада.

Она привязала мерную верёвку к низкому камню и вытянула её по склону. Трава у основания кургана двигалась на запад. Выше — на восток. Между этими полосами лежал узкий промежуток, будто невидимая рука провела по земле линию, запрещая ветру пересечь её.

— Такого я не видела, — тихо сказала мать.

Айна подняла голову. Мать не повторила: «Не видела — значит, не бывает». Она просто признала то, что было перед глазами.

В этот миг ветер донёс голос Тэйры снова:

— Айна, не стой на запятой.

Бабушка говорила так, когда девочка в детстве умолкала посреди рассказа и боялась продолжить. «Песню нельзя держать на одном вдохе, — прибавляла Тэйра. — Иначе следующий голос не найдёт дороги». Айна не слышала этих слов семь лет, но помнила каждый звук.

Эйрен побледнела.

— Я тоже слышала, — сказала она.

Словно в ответ у кургана разом легла вся трава. Порыва не было. Стебли прижались к земле, обращённые к вершине, а затем медленно расправились, сложившись в тот же узор раскрытой ладони.

С холма послышался шорох шагов. К ним бежал Кел, младший племянник Эйрен, ещё мальчик. Он перегонял двух отбившихся коз и не смотрел под ноги.

— Кел, стой! — крикнула Айна.

Мальчик замер. Но смотрел он не на неё. Его лицо повернулось к кургану, и Айна увидела, как меняется его выражение: страх уступал место узнаванию.

Из земли донёсся голос мужчины. Тихий, ласковый, с чуть заметным смешком. Кел назвал его отцом.

Отец мальчика умер прошлой весной.

Кел шагнул к склону. Айна бросилась вперёд и схватила его за пояс. В тот же миг трава разошлась узкой тёмной трещиной. Из неё потянуло холодом и запахом мокрого железа. Камешки на склоне подпрыгнули, а над курганом птицы резко развернулись всей цепочкой, будто невидимая стена перегородила им путь.

Это видели и слышали трое. Сомневаться можно было в смысле происходящего, но не в самом событии.

Из трещины ударил ветер. Он шёл снизу вверх, прижимая к спине одежду и выворачивая полы плаща. Айна удержала Кела и ухватила свободной рукой за край камня. Её ладонь содралась о острый выступ. На кожу посыпалась мелкая пыль — холодная, плотная, синяя.

Мать оттащила мальчика от края. Трещина сомкнулась, словно её никогда не было. Но из-под ладони Айны доносился низкий гул, похожий на далёкую песню, которой не хватало слов.

Они вернулись к стоянке не одни: Вейр и ещё несколько человек уже шли к кургану, привлечённые криками и метавшимися животными. Кел молчал. На лице у него не было слёз, но он всё ещё смотрел через плечо, туда, где земля позвала его голосом отца.

Старейшина не стал повторять, что ветер умеет играть с голосами. Он спросил, все ли целы, велел отвести животных от кургана и позвал тех, кто должен был остаться у шатров. Общину охватила не паника, а деловитая, суровая тишина: люди проверяли узлы, пересчитывали детей, забирали воду. Так вели себя те, кто понял, что привычного объяснения недостаточно.

Эйрен взяла Айнину руку и разжала пальцы.

В ладони лежала пылинка синего камня.

Айна знала этот цвет по старой росписи в священном хранилище. Там когда-то лежал камень, о котором говорили только на семейных песенных собраниях. Он исчез задолго до рождения Айны. В хранилище осталась пустая ниша, выстланная тёмным войлоком, и правило: о пропаже не рассказывать детям, пока те не научатся отличать предание от свидетельства.

— Это он? — спросила Айна.

Мать не ответила. Она только посмотрела на ладонь дочери так, словно там лежало не зерно минерала, а незаконченная строка древней песни.

Степь хранила память не в одном месте. Она оставалась в словах, которые мать не позволяла менять, в привычке поить путника прежде, чем спрашивать его имя, в детских руках, пересчитывающих стадо, чтобы ни одно живое существо не потерялось на переходе. Теперь к этой памяти прибавилось то, что невозможно было передать одной песней: земля сама позвала, и ей ответили.

Айна сжала пальцы. Синяя пылинка не растаяла и не стала похожа на обычную грязь. Она холодила кожу.

До нового места было ещё далеко. Но прежде чем сложить шатры, арвенам предстояло решить, кто поведёт людей по дороге, где остановятся стада и что делать, если ветер снова произнесёт чьё-то имя. Айна поняла: теперь ей нельзя просто услышать степь. За услышанное придётся отвечать.

Очаг и закон дороги

Вечером кочевье собирается вокруг огня не потому, что всем холодно. Огонь удобен для сушения рукавиц, для лепёшек и для долгих разговоров, но ещё он помогает помнить: человек не один. У этого общего круга есть невидимые границы. Здесь решают, кому достанется последняя чашка горячего настоя, кто пойдёт проверять табун, кто останется с детьми, а кто — с ночным дозором. Поодиночке люди видят только свою работу. У огня становится видно, как одна работа держит другую.

Айна пришла к очагу с деревянной чашей, полной тёплого молока. Её младший брат Тарен уже сидел рядом с дедом, точил нож и слушал, как старуха Жарма перечисляет припасы. До перехода к зимним пастбищам оставалось три дня. Значит, утром следовало проверить ремни на выючных седлах, пересчитать сушёное мясо и решить, какую из старых троп выбрать: ту, что короче, или ту, где больше воды.

— Вода важнее скорости, — сказала мать Айны, Сарна, разминая тесто на лепёшки. — Быстрый путь хорош тому, у кого пустые бурдюки и крепкие ноги. А у нас есть стадо.

— У нас есть и время, — возразил Тарен. — Если обойдём каменный распад, потеряем полдня.

— Полдня можно наверстать, — отозвался дед. — Пересохший родник не наверстаешь.

Так у очага говорили о дороге: не как о линии на земле, а как о договоре с тем, что встретится впереди. Решение о пути касалось не одного путника. Ошибка одного становилась жаждой для многих.

В тот вечер ветер будто слушал. Он перебирал войлок на южной стороне стоянки и не трогал тонкие ленты, подвязанные к шестам. Айна заметила это, но ничего не сказала. Старые приметы не всегда предвещали беду; порой они всего лишь напоминали, что мир не обязан повторять вчерашний день.

Первым тревогу поднял табун. Лошади, обычно спокойно пережёвывавшие корм у загорожки, вдруг разом повернули головы к востоку. Не заржали, не рванулись — только стояли, вытянув шеи. Тарен отложил нож.

Потом оттуда донёсся голос.

Не зов и не крик. Низкий звук, будто кто-то произнёс слово глубоко под землёй. Огонь дрогнул, хотя ветра не было. Чаша в руках Айны едва заметно звякнула о край котла.

Тарен поднялся и потянулся за копьём.

— Сначала послушай, — сказала Жарма.

— Если там человек, он не станет ждать, пока мы дослушаем землю.

Он был прав. И Жарма тоже.

В темноте показался путник. Он шёл, опираясь на обломок копья, и падал почти на каждом шаге. На плече у него висел разорванный плащ; на левой штанине темнела кровь. Когда он добрался до границы света, то попытался поклониться, но не удержался на ногах.

Тарен встал между незнакомцем и очагом.

— Имя?

— Саян, — выговорил тот. — Мой караван разметало на восточной дороге. Не бурей. Голосом.

Последнее слово повисло среди людей. Кто-то тихо втянул воздух. Мальчик у материнского колена спрятал лицо в её рукав.

Айна опустилась рядом с путником. Саян был молод, но лицо его казалось старше: губы посинели от холода, ресницы слиплись от пыли. На голени зиял порез, кровь уже запеклась по краям, однако ткань под ним оставалась влажной.

— Не трогай его суму, — предупредил Тарен.

— Я смотрю на рану.

— Я — на то, что он принёс с собой.

Таков был его долг. Тарену поручили безопасность кочевья: проверять следы, распределять дозор, не позволять чужой опасности незаметно стать общей. Айна знала, что брат не любил власть и не искал повода отказать кому-нибудь в помощи. Именно поэтому его осторожность нельзя было отмахнуть как трусость.

Жарма велела принести сухую накидку и чистую воду. Саяна усадили у края круга, ближе к теплу, но не вплотную к огню. Сарна подала ему чашу небольшими глотками. Рану промыли, прижали чистой тканью и перевязали. Когда Айна захотела расспросить путника, Жарма остановила её.

— Сначала пусть перестанет дрожать. Холод забирает у человека не только тепло, но и ясность.

Это было не одно из старых суеверий. Сильное охлаждение действительно ухудшает координацию и способность здраво оценивать происходящее; испуганный и измученный человек может говорить сбивчиво не потому, что лжёт, а потому, что его тело занято борьбой за тепло. Поэтому Саяну дали сухую одежду, укрыли и не стали немедленно вытягивать из него все ответы. Забота не отменяла осторожность. Она помогала не принять слабость за вину.

Когда путник согрелся настолько, чтобы держать чашу без дрожи, старшие собрались ближе к огню. Совет был открыт всем взрослым, кто нёс за стоянку ответственность. На круге не было места для удобного молчания: Жарма напомнила обычай, по которому каждый, кто хотел высказаться, должен был назвать, чем готов рискнуть.

— Закон дороги, — сказала она, — велит дать путнику пищу и защиту до рассвета. Но не велит доверять ему без проверки. Давайте разберём, что каждое из этих слов значит сегодня.

— Защита от кого? — спросил Тарен. — Если он привёл за собой людей, то укрывая его, мы укроем угрозу.

— А если отказать тому, кто пришёл раненым? — возразила Сарна. — Тогда любой наш человек на чужой земле будет просить не о законе, а о милости. Милость можно отнять. Закон должен выдержать плохой вечер.

— Я готова рисковать тем, что меня назовут старой дурой, — сказала Жарма. — Если мы забудем обычай при первом страхе, потом будем вспоминать его только в безопасные годы. Но оружие его до утра останется у Тарена.

Тарен не отвёл взгляда от Саяна.

— Я рискую своим покоем и своим именем. Если он опасен, спрос первым придёт ко мне. Я дам ему место под укрытием, не у внутреннего ряда шатров. Два дозорных останутся рядом. Ни к табуну, ни к детям он не подойдёт.

— Значит, ты готов защитить его от холода, но не от подозрения, — сказала Сарна.

— Подозрение не убивает. Невнимание — может.

— Иногда подозрение делает это не хуже ножа, — тихо заметила Жарма.

Айна смотрела не на брата, а на руки Саяна. Тот прижимал к груди суму, словно в ней лежало что-то хрупкое. На ремне виднелся свежий разрез; застёжку, похоже, срывали силой. Когда Саян отстранился, чтобы поставить чашу, край изношенной кожи выскользнул из сумы и упал на землю.

Айна подняла его.

Это был обрывок карты, нарисованной на тонко выделанной шкуре. Большая часть линий была стёрта, но у края сохранился знак синего камня — ромб с короткой чертой под ним. Такой же знак Айна видела однажды на старой бронзовой пластине в мешке, найденном после пропажи камня. Тогда пластина исчезла вместе с ним, а старшие решили не будить весь табор напрасными догадками.

— Откуда у тебя это? — спросила она.

Саян посмотрел на карту и впервые за вечер перестал казаться человеком, который только что пережил беду. На его лице проступило что-то иное — страх перед вопросом, которого он давно ждал.

— Я ищу проход к Истоку ветров.

Огонь щёлкнул. Никто не пошевелился.

Исток упоминался в песнях, но песни редко объясняли, где кончается память и начинается предупреждение. Говорили, что там ветер рождается прежде, чем коснётся травы; что возле источника старые слова слышны без голоса. И что тот, кто ищет туда дорогу, должен сначала понять, зачем его туда зовут.

— Кто поручил тебе этот путь? — спросила Жарма.

Саян опустил глаза.

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь? — спросил Тарен.

— Пока не могу.

Ответ был плохим, но не бессмысленным. Возможно, путник берег чью-то жизнь. Возможно, берег свою. Возможно, за недосказанностью скрывалась ловушка. В совете не возникло единого мнения, и это было честнее, чем мгновенное согласие.

Тарен повернулся к сестре:

— Ты понимаешь, что эта отметка может быть приманкой?

— Понимаю.

— Если принять его, мы даём ему время.

— И шанс объясниться.

— А если из-за него пострадает кто-нибудь из наших?

Айна почувствовала, как от этих слов внутри становится холоднее. Она могла ответить, что чужая беда не всегда приходит по приглашению. Могла сказать, что карта не доказывает вины. Но ни одно из этих слов не уменьшило бы риск.

— Я готова поставить на кон своё место в совете, — сказала она. — Если я ошибаюсь, отвечать буду вместе с тобой. Пусть Саян останется до рассвета. Под охраной. А утром мы снова спросим его о поручившем путь.

— Не ты одна будешь расплачиваться, — возразил Тарен.

— Именно поэтому решение не должно быть только твоим.

Тарен посмотрел на совет. В круге не поднялась ни одна рука против. Это не означало, что все доверяли Саяну. Они согласились лишь на первое, ограниченное действие: дать пищу, кров и защиту до рассвета, не обещая ни свободного передвижения, ни веры каждому слову. Для опасного решения это было не малодушием, а мерой. Традиция не требовала закрыть глаза; она требовала не отводить их от человека, которому нужна помощь.

Саяну отвели место у края стоянки, под навесом для гостей. Тарен забрал его нож и короткий лук, записав про себя, что оба оружия следует вернуть, когда опасность прояснится. Два дозорных сели на расстоянии слышимого разговора. Айна оставила у путника чашу и ещё одну сухую накидку.

— Ты рисковала своим местом ради незнакомца, — сказал Саян.

— Нет, — ответила она. — Ради того, чтобы закон оставался нашим, а не только словами старших.

Она не была уверена, что он понял.

С точки зрения практики, такой порядок и сегодня может помочь в трудной встрече. Сначала отделяют срочную нужду от вопроса о доверии: человеку нужна помощь сейчас, а его рассказ можно проверять позже. Затем называют границы помощи: где он будет находиться, что ему разрешено, кто отвечает за безопасность. Наконец, заранее решают, когда вернуться

к разговору. Это снижает риск, что страх заставит группу либо бездумно открыть все двери, либо захлопнуть их перед тем, кому грозит настоящая беда.

В малых сообществах осторожность и взаимопомощь не противоречат друг другу. Они работают вместе, как ремень и пряжка: один удерживает, другая позволяет двигаться. Исследования поведения людей в кризисах показывают, что неопределённость и сильный стресс могут усиливать поспешные выводы. Поэтому полезно не только спрашивать «Чего мы боимся?», но и «Какие факты у нас есть?» и «Что можно сделать сейчас, не превращая временную меру в окончательный приговор?».

Перед сном Жарма попросила каждого, кто участвовал в совете, назвать не только риск, на который он готов пойти, но и границу, которую не позволит пересечь. Сарна сказала, что не оставит детей без присмотра. Тарен — что не отпустит гостя к табу. Айна — что не позволит обращаться с раненым как с пленником. Жарма назвала своей границей молчание, когда решение уже принято: сомневаться можно, прятаться за сомнениями — нет.

Попробуйте однажды устроить такой разговор в собственном доме или семье. Выберите небольшой, но настоящий вопрос, где у каждого есть причина тревожиться. Пусть участники по очереди ответят на три вопроса: «Что я знаю точно?», «Чем я готов рискнуть ради другого?» и «Какую границу мне важно сохранить?». Не ищите единственного бесстрашного ответа. Цель упражнения — сделать видимыми и заботу, и цену решения. Когда риск назван вслух, он перестаёт быть тайной, которую каждый несёт в одиночку.

Ночь легла на кочевье. Ветер наконец пошевелил ленты на шестах, но только одну — ту, что смотрела на восток. Тарен обходил дозорные места, проверяя огни. Их было несколько: каждый отмечал границу стоянки и помогал ночным пастухам видеть, где кончается безопасный круг. У самого дальнего он задержался дольше обычного.

Айна не спала. Ей всё чудилось, будто под землёй продолжается разговор, начатый у очага. Саян лежал неподвижно, завернувшись в накидку. Карта покоилась возле его руки. От слабого жара свет на ней казался не синим, а почти чёрным.

Потом один из сторожевых огней исчез.

Не погас постепенно, не осел в угли. Его свет оборвался, словно кто-то накрыл пламя ладонью. Тарен крикнул дозорному, но ответа не последовало. Люди поднялись; кто-то взял копье, кто-то первым делом разбудил детей. Айна выбежала к краю круга и увидела, как брат опускается на колено у потухшего костра.

Рядом с золой отпечатались следы. Они начинались у общего очага, проходили мимо навеса, где спал Саян, и тянулись к восточным курганам.

На земле ещё теплилась зола, а на коже Айниной ладони холодел знак синего камня. Она поняла: закон дороги привёл чужака к их огню, но теперь сама стоянка стала дорогой для кого-то ещё. И прежде чем рассвело, ветру предстояло запеть первым.

Первый напев ветра

У каждой двери есть свой свист. Стоит ветру найти щель под порогом — и дом начинает звать тонкой, протяжной нотой. Один человек услышит в ней сквозняк, другой — голос, который помнит с детства. А если рядом окажется тот, кто любит тебя и боится за тебя, он прежде всего заколотит щель.

Тарен именно так и поступил бы, подумала Айна, глядя на карту.

Она разложила её на низком столе и прижала углы деревянными чашками. Карта была старой: линии на шкуре выцвели, сгибы потемнели от прикосновений. Но знак, найденный у кургана, повторялся на ней дважды — маленькая развилка с короткой чертой под ней. Айна не знала, была ли это отметка дороги, место для обряда или предупреждение. Именно незнание и не давало ей покоя.

Саян стоял у входа, не переступая порога. Он появился в их селении несколько дней назад, принес карту и рассказы о местах, куда давно никто не ходил. Тарен с тех пор следил за ним так, словно путник мог украсть не только овцу, но и саму землю из-под ног.

— Мы проверим только один знак, — сказала Айна. — До заката вернёмся.

— Ты говоришь «мы», — отозвался Тарен. — Значит, я тоже иду.

— Тебе не обязательно...

— Именно поэтому я иду. — Он проверил ремень на сумке, куда положил воду, верёвку и нож. — Саяна я не знаю. А тебя одну не отпущу.

Саян не возразил. Это молчание раздражало Айницу сильнее, чем спор: будто он считал её решение уже принятым и не видел смысла вмешиваться.

— Если пойдём втроём, — сказала она, — то не ради того, чтобы ты присматривал за мной.

— А ради чего?

— Чтобы понять карту.

Тарен посмотрел на неё долгим взглядом. В нём было то самое желание вернуть всё к безопасному порядку: закрыть дверь, убрать непонятную вещь, дожждаться старших. Айна знала эту заботу с детства и любила её. Но иногда любовь, если её не остановить, становилась ещё одной дверью, запертой снаружи.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но на осыпи ты слушаешь меня.

— На осыпи я слушаю землю, — ответила Айна.

— Вот поэтому я и иду.

Они вышли, когда солнце ещё не поднялось высоко. Путь к курганам лежал через сухую долину, где редкая трава цеплялась за каменистую почву. Саган, старый пастух, называл такие дни обманчивыми: небо чистое, тени короткие, а порыв может налететь без облака и за миг наполнить рот песком.

— У кургана ветер меняет ход, — сказал Саян. — Не стойте на гребне.

— Ты уже бывал там? — спросил Тарен.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— По карте. И по тому, как нарисована долина.

Тарен хмыкнул, но спорить не стал.

Айна шла впереди, то и дело сверяясь с рисунком. Всякий раз, когда на карте встречалась развилка, она искала её в складках земли. Ей нравилось это чувство: будто древний человек оставил не ответ, а вопрос, который можно задавать заново. Земля не раскрывала тайну целиком — только подсказывала, где смотреть.

Саян учил их не гадать раньше времени. «Сначала назови то, что видишь, — говорил он, — потом то, что слышишь. И лишь потом то, что думаешь». Это было похоже на счёт перед прыжком: короткая задержка, которая иногда спасает от падения.

У подножия курганов Айна остановилась. Низкие холмы поднимались из равнины плавно, без резких обрывов. Между ними пролегали узкие седловины. Издали они казались одинаковыми, но на карте одна была отмечена короткой чертой.

— Здесь, — сказала Айна.

Они нашли развилку у северного склона: две каменные гряды расходились, оставляя проход шириной в несколько шагов. Под ногами лежал сухой щебень. На плоском камне у входа в проход темнел знак — та самая развилка и черта под ней.

Айна присела, не касаясь рисунка.

— Кто-то вырезал его давно, — заметил Тарен. — Но зачем? Может, это просто метка границы.

— Может, — сказала Айна.

Ей хотелось добавить: а может, знак указывает, куда следует слушать. Но она удержалась. Пока это было не наблюдение, а догадка.

Ветер шёл с запада. Айна видела, как трава наклоняется вдоль склона, и чувствовала прохладу на щеке. Потом воздух вдруг застыл.

Секунду спустя на них обрушился сухой вихрь.

Он не был большим — всего лишь столбом пыли, который поднялся между холмами и закрутился вокруг каменной гряды. Но земля изменилась сразу. Песок ударил по лицу, ветер рванул плащи, а мелкие камни под ногами зашевелились, покатались друг о друга.

— Назад! — крикнул Тарен.

Он шагнул к Айне, но подошва скользнула по осыпи. Щебень ушёл вниз, будто склон на миг стал жидким. Тарен взмахнул руками и ухватился за выступ. Ниже начинался узкий каменистый спуск; над ним нависла полка, осыпанная гладкими обломками.

Айна бросилась к брату и сама чуть не потеряла равновесие.

— Не подходи! — крикнул Тарен. — Стой на твёрдом!

Она послушалась. Это было труднее, чем броситься к нему. Вихрь бил в спину, пыль слепила, под ногами перекатывались камни. Тарен держался за выступ, а над его плечом трещала осыпь. Один камень сорвался и ударил в стену рядом с его рукой.

Саян остался выше, на ровном месте. Он не протягивал руку, не кричал бесполезных указаний — только следил за тем, куда движется пыль.

Айна услышала свист.

Не тот, что рождался от ветра в расщелине. И всё же нота была знакомой. Она прошла через неё, как старая тропа, которую ноги помнят раньше, чем глаза успеют узнать. Внутри всплыл обрывок мелодии: три тихих звука, пауза, ещё два. Айна знала, что никогда не учила её. И знала, что слышала — может быть, во сне, может быть, совсем маленькой, когда мать напевала у очага.

Она открыла рот, чтобы позвать Тарена, но вместо его имени сорвался звук.

Это был не крик и не слово. Напев, почти без голоса.

Ветер повернулся.

Пыльная стена разомкнулась, будто её разрезали невидимым лезвием. Камни, уже сыпавшиеся по склону, замедлили падение. Не остановились — лишь дрогнули в воздухе, задержавшись на мгновение, в котором Айна успела увидеть каждую грань, каждую тонкую полоску света. Вихрь ударил снизу вверх, прижал пыль к стене и удержал осыпь ровно настолько, чтобы Тарен подтянулся к выступу и перебрался на более широкую полку.

— Айна! — крикнул Саян.

Она оборвала напев.

Камни рухнули вниз. Грохот раскатился между холмами и стих.

Тарен лежал на безопасном месте, тяжело дыша. На ладони у него темнела ссадина. Айна подбежала, присела рядом и схватила его за плечи.

— Ты цел?

— Цел. — Он поморщился. — Кажется.

Она хотела сказать его имя. Хотела убедиться, что он слышит её, что между ними всё ещё есть привычный мир, где брат отвечает на зов сестры. Но сейчас имя пришло легко. Она произнесла его, а Тарен открыл глаза.

Тогда Айна попробовала сказать другое имя.

Имя матери.

Оно стояло в памяти совершенно ясно. Айна помнила, как мать смеялась, как шурилась на солнце, как придерживала ладонью выбившуюся прядь. Помнила звучание имени — или была уверена, что помнит. Но когда попыталась произнести его, голос исчез на первом звуке. Не осип, не сорвался. Просто не пришёл. Слово было там, за зубами, а путь к нему будто завалило камнем.

Айна попробовала ещё раз. Из горла вышел слабый выдох.

— Что? — спросил Тарен. — Ты ранена?

— Нет.

— Ты кричала?

— Просто пыль попала в горло.

Тарен недоверчиво посмотрел на неё. Пыль попала и ему, но он не пытался укрыть что-то за ровным лицом. Его взгляд перешёл к Саяну.

— Что это было?

Саян подошёл ближе, однако остановился, не касаясь ни Айны, ни камней.

— Напев старых хранителей, — сказал он.

— Я его не знаю, — прошептала Айна.

— Тебя могли ему не учить. Некоторые мелодии передают не как урок. Их повторяют у колыбели, у огня, во время дороги. Ребёнок запоминает не слова, а поворот дыхания.

Саян говорил осторожно. Он не называл случившееся ни благословением, ни чудом. Это понравилось Айне, хотя успокоиться она не смогла.

— И ветер ответил?

— Я не знаю, что именно ответило. — Саян посмотрел на расщелину. — Обычный ветер тоже умеет петь. Если поток проходит через узкий промежуток, воздух колеблется; камень может гудеть, свистеть или дрожать. Это можно проверить и без магии. Но то, что ты сделала сейчас... я слышал такую мелодию один раз. Мой дед называл её голосом хранителей.

— А что она забрала? — спросил Тарен.

Айна резко подняла на него глаза.

Он не смотрел на неё. Он смотрел на Саяна.

— Я не знаю, — ответил тот. — Но песни такого рода не бывают бесплатными.

Айна снова попыталась произнести материнское имя — уже про себя, без голоса. Оно вспыхнуло цельным и тёплым, но стоило подойти к нему губами, как звук распадался. Она чувствовала потерю не как пустоту в памяти, а как отсутствие дороги к памяти. Самое страшное было в том, что она могла не знать, вернётся ли дорога.

Саян присел у тропы и показал на устойчивую площадку.

— Пока ветер не стих, не двигайтесь. Смотрите, где осыпь держится на траве, а где камни лежат россыпью. Не идите по краю. Если снова налетит порыв — не пытайтесь перекричать его, сначала найдите опору.

— Ты говоришь так, будто это обычная прогулка, — сказал Тарен.

— Я говорю так, потому что это опасная прогулка.

Айна посмотрела на ладонь брата. Рана была неглубокой, но кровь медленно стекала по запястью. Она достала воду и ткань. Тарен позволил обработать ссадину, не отводя взгляда от её лица.

— Ты пела? — спросил он.

— Нет. Я... не знаю.

Это была первая ложь. Маленькая, почти невесомая. Но она уже лежала между ними, как камень на тропе.

Саян услышал ложь. Он ничего не сказал.

Они не стали искать другие знаки. Сначала дождались, пока вихрь ослабнет. Потом вернулись тем же путём, обходя рыхлые склоны. На обратной дороге Саян заставил Айни повторить три вопроса, которым учил раньше: что я вижу, что слышу, что только предполагаю? Она отвечала вслух. Видела узкий проход и сдвинутые камни. Слышала, как ветер трётся о сухую траву. Предполагала, что напев спас Тарена.

— Разделять это полезно, — сказал Саян. — Даже если однажды выяснится, что догадка верна. Особенно тогда.

Это было практическое правило, а не тайное знание. Человеческий слух часто достраивает знакомые мелодии из случайных шумов; память способна придавать одному и тому же звуку разные смыслы. Музыка, в свою очередь, может возвращать личные воспоминания с поразительной ясностью — но это не доказывает, что память передаётся по крови. Обычная человеческая память приходит через слова, повторение, семейные привычки. Всё остальное Айне ещё предстояло понять.

Если бы рядом не было обрыва и сорвавшихся камней, она могла бы проверить напев спокойнее. Сначала остановиться на безопасном месте, затем заметить направление ветра по траве или пыли, потом прислушаться, не подменяя услышанное желаемым. Можно было бы тихо протянуть знакомый звук на выдохе и заметить, как меняется дыхание. Негромкое гудение часто помогает человеку удерживать внимание и удлинять выдох; оно не делает ветер послушным, но может помочь успокоиться. Главное — не испытывать неизвестный звук у края осыпи и не принимать телесное чувство за доказательство.

Айна знала это теперь. Но знание, пришедшее после опасности, всегда весило больше, чем хотелось.

У селения Тарен шёл рядом и не задавал вопросов до самой окраины. Потом спросил:

— Ты правда ничего не помнишь?

— Я помню всё.

Это была уже не ложь, а попытка сказать правду так, чтобы она не раскрыла главного.

— Тогда почему ты не сказала, что пела?

Айна посмотрела на брата. Ей хотелось объяснить: если произнести случившееся вслух, оно станет настоящим. Если рассказать о цене, придётся признать, что часть её памяти уже отдана неизвестно кому. Но Тарен не был неизвестным. Он едва не погиб, и она спасла его тем, чего не понимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.